

Н.Е. Никонова

**ОБРАЗЫ НАПОЛЕОНА В «СОБРАНИИ
СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ
К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ» (В РАМКАХ ПРОЕКТА
ПО ПЕРЕИЗДАНИЮ АНТОЛОГИИ)¹**

В статье представлен анализ наполеоновского мифа в российской словесной культуре начала 1810-х гг. на материале поэзии двухтомника «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814) под редакцией Н.М. Кутушева. Выявлены ключевые клише, реализации анималистических и националистических мотивов образа Наполеона-безбожника и врага христиан; установлен их генезис.

Ключевые слова: издание, Отечественная война 1812 г., Наполеон, поэзия.

Эпоха наполеоновских войн является одной из самых непростых в русской истории и культуре: с одной стороны, период перемен и активных военно-политических событий, небывалой сплоченности армии и народа, церкви и государства; с другой – время великих мифов, которые создавались, чтобы укреплять и поддерживать чувство национального достоинства. По замечанию Н.А. Троицкого, «"Отечественная война 1812 года" как историографическая проблема остается столь же дискуссионной, сколь и актуальной» [1]. Литература первой половины 1810-х гг. была неотделимым продолжением правительственной политики в сфере общественного мнения.

Художественная литература военного и послевоенного времени несет на себе отпечаток идеологии и служит в той или иной степени патриотической пропаганде, превращаясь в историческую публицистику. Философско-эстетические проблемы отступают на второй план перед насущными задачами культуры, естественной необходимостью осмыслить недавнее прошлое и настоящее в контексте изменившихся реалий. По верному замечанию А.С. Янушкевича, поэзия этой эпохи отличалась «безличностью, безындивидуальностью», поскольку представляла собой «набор повторяющихся оборотов, образов, эпитетов» [2. С. 18]; похожая картина наблюдалась и в патриотической прозе [3. С. 3]. Однако, думается, эта общая специфика времени не может оп-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-04-00022а.

равдать пробелы в истории культуры и нивелирование литературных фактов, значительных как для своей эпохи, так и для общей картины развития отечественной словесности. Поэтому спустя почти два века поэтическая антология в двух частях, изданная в честь российской победы над наполеоновской армией, вновь заслуживает специального внимания.

«Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» уникально своим масштабом: издание объединило более ста авторов, как знаменитых (таких как Н.М. Карамзин, Г.Р. Державин, В.А. Жуковский и др.), так и анонимных, подписавшихся лишь топонимами (к примеру, «село Старорусино»). Двухтомный сборник составили уже известные тексты и впервые публикуемые стихотворения разных стилей (от классицистического до фольклорных стилизаций) и жанров (от оды до плача), что заставляет воспринимать его вне критериев высокой художественности, но соответственно важнейшему синхроническому контексту, в котором определяющую роль играли народность, массовость, т.е. простота, незамысловатость и потенциальная способность выразить общее настроение и суждение россиян, отпраздновавших победу. Современные антологии, посвященные памяти войны с Наполеоном, обращались к стихотворениям, вошедшим в «Собрание...» (см., например, «1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников». М., 1987; «1812 год. Воспоминания воинов русской армии». М., 1991), но сборник представляет особый интерес как самостоятельный издательский проект начала 1810-х гг.

За две сотни лет «Собрание» удостоилось специального внимания исследователей единственный раз. В посвященном столетию войны 1812 г. юбилейном семитомном издании «Отечественная война и русское общество» была опубликована обстоятельная работа Н.П. Сидорова «Отечественная война в русской лирике», материалом для которой послужила главным образом поэзия, вошедшая в «Собрание...» [4]. Под русской лирикой автор статьи подразумевает исключительно поэзию, эстетически полноценную, считая таковой известные басни Крылова и «Певца во стане русских воинов» В.А. Жуковского. Остальные же сочинения, «неудержимым потоком хлынувшие вдогонку врагу», все эти «оды, гимны, песни, гласы, дифирамбы, поэмы», а затем «панегирики в честь “героев севера”», созданные «повылезавшими из щелей мошками да букашками», только оживили «державинскую помпу и поддерживались главным мотивом – «жаждой мести»,

«завязанной в один узел с мотивами националистическими и религиозными» [4. С. 164]. Первый поэт, по мнению Н.П. Сидорова, который сумел «благородно осмыслить» войну 1812 г., – это А.С. Пушкин. Несмотря на резко критическое отношение к массовой поэзии, понятное с эстетической точки зрения, автор замечает, что «за искусственно-героической позой и звонким лирным бряцанием, за крикливой и вычурной патриотической риторикой, за мглистым фимиамом славословий, за всей этой условной поэтической бравадой можно усмотреть некоторые живые черты подлинных настроений русского общества того времени», и «даже крайне приподнятый тон тогдашнего стихотворства может объясняться не только готовым литературным шаблоном» [4. С. 162]. Однако эти утверждения историка никак не комментируются далее и не получают развития.

Этим словам вторит исследователь фольклора военного времени, коллега Н.П. Сидорова, историк В.В. Каллаш, замечая в народных и псевдонародных творениях первой половины 1810-х гг. «анахронистическую комбинацию мотивов», «очевидный налет искусственных оборотов», «мотивы предшествующей исторической песни, кое-как, на живую нитку, прилаженные к новым событиям» [5] и т.п.

На этом история специального изучения поэзии эпохи наполеоновских войн по причине отсутствия у нее самостоятельной роли практически исчерпывается. В силу промежуточного положения этого высокого жанра в военное время свое значение имеют выводы исследователей русской публицистики, истории церкви и Российского государства. Думается, спад художественно-эстетического уровня лирики связан именно с небывалым усилением государственной пропаганды и господством централизованной общественной политики, проникновением основных ее постулатов во все социальные сферы. В результате вероятность какой-либо оригинальности и самостоятельности суждений теряла смысл, как и шанс на существование.

Главным жанром начала XIX в. являлась публицистика, которая «представляла собой одновременно и способ формирования, и возможность выражения общественного мнения»; «в условиях жесткой цензуры проблемы внутренней жизни страны не то что не критиковались, но и не появлялись на страницах печатных изданий, и вся политическая тематика, представленная в них, относилась к истории других стран и международной ситуации. Естественно, что наиболее популярным персонажем в русских журналах и публицистических сочи-

нениях становился Наполеон Бонапарт» [3. С. 5]. И «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» должно рассматриваться именно в этом контексте, а не в ряду явлений элитарной культуры, что было бы более подобающим в случае с крупной поэтической антологией, созданной в иную эпоху.

Проект по изданию двух частей «Собрания» представляет самый репрезентативный материал для выявления характера образов, господствовавших в культуре важнейшей эпохи в истории Российской империи. Ярчайшими из них являются, конечно, представления о «своем» и «чужом», о враге Наполеоне и защитниках родного Отечества. При этом изначально вполне понятны магистральные коннотации восприятия обеих сторон, интересен сам механизм формирования и особенности функционирования этих образов в поэтических текстах.

Согласно наблюдениям целого ряда литературоведов художественное отражение личности Бонапарта в русской литературной классике XIX в. при всем многообразии воплощений в поэзии А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, прозе Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского обнаруживает четкое развитие: от идеализации и преклонения перед личностью Наполеона в конце XVIII в. к ее отрицанию в начале XIX в., от романтического восхищения 1820–1830-х гг. к простому человеческому соучастию и пародированию наполеонизма [7–11]. Как бы ни изменялась художественная интерпретация образа Наполеона, неизменным оставалась сама серьезность проблемы, не оставлявшей равнодушными поэтов, писателей и просто «думающих» людей в России и в Европе. Образ Наполеона выступал в роли мировоззренческого ориентира. Они не ориентированы на сообщение нового, но интересны с точки зрения информации об авторе-создателе повествования, поскольку выявляют именно его понимание мира. Так, декабристы в своем восприятии Бонапарта пришли от «резкого неприятия» к «мифопоэтической трактовке» и «проекции судьбы Наполеона на собственную судьбу» [12]. В результате апология Наполеона стала «неотъемлемой частью декабристской рефлексии над историей своего движения» [12].

В современном литературоведении для обозначения этого явления используется понятие мифологического сознания, или мифа. По замечанию Л.И. Вольперт, культурный миф «помогает осмыслить современность» [10. С. 294]. «Анонимность, повторяемость, цикличность,

тенденциозность», по наблюдению исследователя, становятся постоянными характеристиками такой мифологической структуры, разнообразием которой является и наполеоновский миф.

В случае с интересующим нас «Собранием...» речь идет не об индивидуальном «мифе», но о живом коллективном мифотворчестве, о превращении мифа о Наполеоне, господствовавшего на захваченных им территориях, в слово. В российском массовом сознании в начале 1810-х гг. сформировалась четкая антибонапартистская установка.

Массовая проза – многочисленные памфлеты и брошюры, журнальные статьи, выпущенные в начале 1810-х гг., – имела в большинстве своем подражательный или переводной характер, вторила централизованной установке и так же была наполнена резкой критикой Наполеона. Авторы памфлетов творили самые невероятные легенды о лидере французов, а чаще пересказывали и приукрашивали правдивые и выдуманные истории и ставшие бродячими анекдоты. В результате легко определились основные устойчивые черты и сюжеты интернационального антибонапартистского мифа. Так, памфлетисты с удовольствием эксплуатировали штампы о Бонапарте – лицемере и «обольстителе народов», безнравственном властителе, развращающем подданных, продолжателе дела Французской революции.

Русская лирика первой половины 1810-х гг. не могла оставаться в стороне от литературных и историко-политических процессов, она была частью ориентирована на общенациональную идею, на поддержание патриотического духа, и потому поэтическая образность сама по себе имела второстепенное значение, подчиненное наполеоновской идее, которую авторы произведений стремились выразить в ярких, часто повторяющихся образах.

При изображении образа Наполеона-губителя критерий объективности и историческая достоверность, конечно, играли подчиненную роль. Такому положению вещей способствовали в первую очередь государственная идеология и пропаганда. Антинаполеоновские высочайшие манифесты, приказы и воззвания, исходившие непосредственно от монарха и верховной власти, имели законодательную силу и были призваны пробудить в народе и войске патриотический дух, мобилизовать все сословия на борьбу с врагом. Не последнюю роль в создании этого мифа играла церковь. Целый ряд стихотворений «Собрания...» созданы в ответ на правительственные манифесты, рескрипты и обращения церкви к российским подданным, что отражено непо-

средственно в заглавиях: «Отголосок лиры на случай изданного Манифеста»; «Военная песнь при получении Высочайшего Манифеста в Нижегородской губернии»; «Стихи, написанные по прочтении Рескрипта»; «На Манифест, данный в Москве 18 июля 1812 года»; «Стихи, написанные по прочтении письма Преосвященнейшего Платона».

Пожалуй, самым популярным, ключевым клише стал образ Наполеона-безбожника, врага христиан. Его внедрение в общественное сознание организовывало одно из основных направлений деятельности православного духовенства – антинаполеоновскую церковную проповедь. Православие служило без преувеличения духовной основой государства и народного самосознания. Русская церковь практически провозгласила войну 1812 г. священной, следуя указу Александра I, сделанному в декабре 1806 г. в связи с созывом народного ополчения. На местах – в тылу и в действующих войсках – священники в своих проповедях объясняли всю значимость воинского долга, необходимость защищать Веру, Отечество и Государя от противного Христу Наполеона. Такой образ Бонапарт получил из-за своего разрыва с Папой, случившегося перед началом войны против России, все предшествовавшие этому разрыву попытки упорядочить конфессиональную анархию во Франции, как и союз с Римско-католической церковью, при формировании общественных представлений о Наполеоне российской государственной пропагандой во внимание, конечно, не принимались.

Второе «доказательство» дьявольской сущности Наполеона – спешествование в разграблении и надругательство над православными храмами и монастырями – отыскалось после его изгнания из Москвы, оно в отличие от первого является бесспорным. «После освобождения Москвы по распоряжению Александра I во всех церквях России было прочитано составленное по достоверным данным особое «Известие» о состоянии Москвы (от 17 октября 1812 г.), в котором не только сообщалось об оставленных оккупантами «следах зверства и лютости» (разграблении и осквернении храмов), но делался также ряд выводов, касающихся сущности противника и характера предыдущих и последующих взаимоотношений с Францией» [13]. Так взгляд на французского вождя как на антихриста в той или иной форме доводился до прихожан.

«Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» как часть общей политики в области общественного мне-

ния открывает антинаполеоновский миф во всем многообразии вербальных воплощений. Основная поэтическая фигура авторов-стихотворцев при введении характеристик французского главнокомандующего – это сравнение. Победное шествие Наполеона по Европе инициировало историческую доминанту, в коллективной памяти всплыли образы мифологизированных узурпаторов власти и поработителей народов. Древнеримские императоры Нерон и Калигула, вождь гуннов Атила, император Запада Карл Великий, ассирийский царь Синаххериб и другие известные правители, полагавшиеся в своей политике исключительно на грубую силу, ставятся в один ряд с Наполеоном, который «Нерона злобнее, Калигулы гнуснее»; «Как злейший Нерон, жаждет крови». Сопоставление Наполеона с тиранами было излюбленным приемом памфлетистов, одно из таких творений, широко известных читающей публике, имело заглавие «Атила XIX века». Авторы стихотворений заимствуют и также активно эксплуатируют этот популярный ход. Ср.:

Калигула, Нерон, Филипп ожесточенный,
И Цезарь, и Алкид, и дерзновенный Карл,
Не так в крови людей невинных обогранны,
Как Франции глава, который с силой пал.

В ореол сравнений по понятным причинам входят и вожди времен татаро-монгольского ига Тамерлан и Мамай, Чингисхан и Батый: «...избавлена вселена // От новых Тамерлана орд!»; «Падет второй Мамай, свирепый, кровожадный»; «Ничто Атилы, Чингис-Ханы; // Ничто Баты, Тамерланы // Пред ним в свирепости своей».

Часто авторы «Собрания» прибегают к весьма неожиданным с точки зрения современного читателя аналогиям. Так, Бонапарт выступает в поэтических текстах антологии и как «новый Герострат» («славу Герострата // Затмил всех прав гоненьем злым»); и как кичливый Голиаф («Уже в Сионские пределы // Сей новый Голиаф вступил»), и как «смешной и глупый неудачник» Дон-Кихот («Как в дурь себя ты потопил? // И Дон-Кишот умнее был!»; «Исчезнул Геркулес... И видим Дон-Кишота»). Собственное имя Наполеона употребляется только с негативными по коннотации эпитетами: «Неприятель наш – Бонапарт лихой!»; «Бонапарт злодей», «Поведи полки исполинские // На разбойника Бонапартия».

Поэзия любого, даже не самого высокого, уровня предполагает «сгущение мысли» (А.А. Потебня), уплотнение образности. Взятая в совокупности лирика «Собрания» напоминает на первый взгляд беспорядочное деструктивное накопление памфлетных образов-шаблонов. Несоответствие неупорядоченной формы, нагромождения образов вполне серьезному, патетическому содержанию вызывает ощущение эстетического диссонанса. Такое положение является результатом активного и в то же время «сырого» (неосмысленного в силу отсутствия временной дистанции) межкультурного и внутрикультурного смешения дискурсов. В результате быстрого сближения русского и немецкого (большинство памфлетов было переведено с немецкого языка), дворянского и народного, армии и церкви содержание захлестнуло форму, равнопротяженность текста и смысла, определяющая художественную полноценность, отошла на второй план.

Приобретая утилитарное общественное значение, поэтическая речь (как и любая другая на этом месте) естественным образом трансформировалась в соответствии с потребностью в функциональности, в минимализации коммуникативных усилий автора и читателя, стремясь к облегчению воспроизводимости оборотов. В результате этого поэтическая образность практически перестает быть свободной и сужается до ограниченного набора готовых формул, клише, общепонятных стереотипов, которые в совокупности составляют целую «русскую версию “черной легенды” о Наполеоне» [14]. Действительной территорией творчества в военное время становится агитационная, идеологически маркированная проза. Авторы переводных и оригинальных памфлетов и мемуаров, информационных листков и проповедей и выступают создателями тех сравнений, которые мы встречаем в лирике «Собрания». Значение и экспрессивность этих выражений не тускнеет с течением времени, семантика и выразительность образа Наполеона-врага нарастает по мере движения к победе.

Череду злодеев в ряду определений Наполеона венчает воплощение зла с точки зрения религии. Сатана, дьявол, антихрист – эти имена становятся неотъемлемой частью антибонапартистского мифа. «Собрание стихотворений» открывается сочинением Державина, полное заглавие которого гласит: «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года, во славу всемогущего Бога,

великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского». «Гимн» представляет собой полное воплощение истории о победе над Наполеоном-антихристом и продолжается распространенным списком из полусотни примечаний, подробно объясняющих и доказывающих мифопоэтическую образность стихотворения. Из них мы узнаем о том, что Бонапарт есть предсказанный Апокалипсисом «змей древний, нарицаемый Диавол»; который «исходит от бездны». В подтверждение приводятся неопровержимые, с точки зрения автора, факты из многочисленных легенд и памфлетов. Наполеон, как антихрист, дает своим подданным «начертание на руце или на челах их», «оставляя клеймо или печать с собственным именем на теле своих воинов»; «имеет семь глав и рогов десять» – «семь Королей» и «десять народов, ему подвластных». Образ французов, согласно примечаниям Державина, соответствует их правителю, поскольку «разврат, соблазн, нечестие и само безбожие французского народа, не упоминая о бывших в последнюю революцию, видны в Истории самых давних веков Христианства».

В «апокалиптический» сюжет вписывается и М.И. Кутузов, который, по версии поэта, «как бы нарочно пожалован Князем, чтобы сблизиться с Священным Писанием; впрочем он избран был общим голосом в начальники всеобщего ополчения». Подразумеваются в данном случае слова пророка Даниила: «Восстанет Михаил Князь Великий». Русско-французская война предстает как предначертанная Апокалипсисом «брань змия с агнцем»; тут же автор разъясняет еще более конкретно: «...под видом агнца представляется Христианская кротость и имеет отношение к тому, что царствующий император вступил на Престол под знаком Овна».

«Гимн» Державина не только задает высокий архаично-классицистический тон, открывая «Собрание», но и предоставляет необходимый ключ для прочтения образов «своего» и «чужого», озвучивает «официальную версию», от которой следует отталкиваться. В продолжающих антологию стихотворениях этот кодовый набор образов ширится и развивается. В унисон державинским строкам и рассуждениям в примечании звучат поэтические сравнения и «красноречивые» эпитеты в адрес Бонапарта в стихотворениях многих других. Ср.: «ада выродок», «истребитель вселенной», «адский владыка, дерзнувший против небес», «Исчадие вражды, крамолы, // Ви-

новник зла, несметных бед», «злодей, в злодействах всегда ненасытим», «адский сын гордыни», «Царств земных злодей» и т.п.

Отдельным мотивным комплексом антинаполеоновского мифа выступают анималистические образы, проистекающие главным образом из представления о звериной сущности антихриста. Так, французский император изображается русскими стихотворцами как «алчный, лютый зверь», «хищник инороден»; «гидра смертоносна яда»; «тьмоглавый сей дракон». Легенда о добром предзнаменовании, увиденном в появлении орла, воспарившего над головой главнокомандующего Кутузова накануне Бородинского сражения, породила «птичий» сюжет образности Наполеона. Эта история была общеизвестной в кругу современников, воспоминания о нем можно встретить, например, в мемуарах И.Р. Дрейлинга, М.И. Муравьева-Апостола, Ф.Н. Глинки [15. С. 373; 16. С. 331; 17. С. 171]. Под пером одного из авторов «Собрания...» она превращается в распространенное поэтическое сравнение с участием более десятка различных птиц:

Уж как слышно нам: Бонапарт злодей
Не одних скворцов на Москву пустил;
А привел он с собой и гусей, и грачей,
И чижей, и синиц, воробьев, журавлей,
И сорок, и ворон, коршунов и сычей,
Вислоухих сов и ночных филинов,
Да и тех дураков – полевых дудаков...
Так возможно ли могучим Орлам,
Могучим Орлам, Орлам Северным,
Таковую дрянь на себя пустить? <...>
Будь ты проклят от нас враг ошипанной сыч!
Не из рода Орлов – Корсиканской петух! <...>

Да и кто же видал, да кто же слышал,
Чтоб ободранной сыч мог сразиться с Орлом?
Орел всем птицам Царь, всему свету судья!..
А ошипанной сыч всему свету – смех!

В другом шутовском стихотворении образ Наполеона определяется в сопоставлении с целым рядом обитателей русских лесов:

Как заяц, уплелся домой.
Как тигр, он злобой распалился,
Несытый ястреб сам падет;
Отличен зверством был, в веках блистать мечтая:
Черный гад на Русь Святую
Наглу лапу потянул:
Зубы волчьи наострил!

Карикатурные образы, с точки зрения современного читателя доходящие до комизма, отражают лишь попытку выразить официальную версию антибонапартистского мифа. Нужно понимать, что тождество Наполеон – антихрист воспринималось обществом не как сравнение, но как аксиома, и эпитеты, выдуманные авторами стихотворений, призваны иллюстрировать прямую аналогию, не подлежащую сомнению. Эффект карикатуры возникает в данном случае из-за усиления и без того надуманного, утвержденного государством образа врага.

Третья ипостась антибонапартистской образности «Собрания...» связана с национальным мотивом. Сама по себе характеристика особенностей менталитета той или иной нации в начале XIX в., века литературных путешествий и травелогов, не считалась предосудительной, скорее наоборот – только входила в моду, обозначая оживление межкультурного взаимодействия и интерес к инациональному. Корсика – родина Наполеона – славилась гордостью, суровостью нрава и непримиримостью своих обитателей. Авторы памфлетов подхватили это наблюдение и превратили в легенду, выставляя определение национальной принадлежности «корсиканец» синонимом к слову «разбойник» и подразумевая при этом фигуру Наполеона. Так, например, по убеждению одного из сочинителей памфлетов, корсиканцы «горды, наглы, много о себе думают и чрезвычайно мстительны. Варварская их ненависть к неприятелям беспредельна. Они весьма склонны к возмущению и не должно полагаться на их клятвы в договорах» [18. С. 10]. В этом контексте следует понимать выражения авторов стихотворений из антологии 1812 г.: «Шут-Корсиканец повалился»; «Корсиканец злой, ада выродок»; «Не из рода Орлов – Корсиканской петух!» и др.

Сходное переосмысление получает характеристика всего французского. Именование «галл» под пером стихотворцев превращается в ругательство: «Ты гидру низложил богопротивных галлов»; «сей хитрый галл»; «Галл – злодей вселенной»; «Сей вихрь, – се смертоносный галл!»; «Галл // Трепещет, видя бурь сих грозных приближень»; «Что если б был твой нос отрублен козаком, // В минуту бы тебя сочли мы калмыком» и т.п.

Структура любой мифопоэтики основывается на оппозициях, и антибонапартистский миф не является исключением. В стихотворных сочинениях авторов антологии галлу-антихристу противопоставле-

ны «святые россы» – весь российский народ, «славный богатырями», армия во главе с героями-военачальниками и самим «великим Монархом» Александром I. Ср.: «Ликуй и радуйся, Россия! // В тебе прославился Господь»; «Ты, Боже, двинулся за нас»; «О росс! Сам Бог твой щит!»; «О витязи! Славянска кровь! // России щит надежный!»; «Ликуй, священная Российская держава! // Питайся вечностью, паряща к небу слава!»; «Не устрасимся... Россы! С вами Бог!»; «Россия верностью и верой возрожденна!» и т.п.

Организующая метатекст «Собрания» патриотическая тема подчеркивается непосредственно в названиях стихотворений сборника, содержащих указания на национальную принадлежность автора: «Песнь русского воина перед сражением»; «Чувствования русского в Кремле»; «Песнь россиянина на новый 1815 год»; «Чувствования россиянки»; «На незабвенные подвиги россиян для освобождения народов». Статус всенародной патриотичность обретает в широком спектре обращений к различным социальным слоям и областям России. Ср.: «Песнь русских поселян русским воинам»; «К российскому дворянству»; «Стихи, по случаю собрания дворянства и купечества»; «К жителям Нижнего Новгорода»; «Песнь донскому воинству»; «Чувствования калужских жителей по приезде генерала Милорадовича» и т.п. Впечатление всеохватности антинаполеоновского дискурса достигается благодаря сочетанию под одной обложкой произведений знаменитых поэтов, столичных журналистов, участников военных действий и простых сочинителей из российских деревень.

В результате этих коллективных стараний образ Наполеона-героя оказывается тотально развенчанным и диаметрально противопоставленным всем русским гражданам и каждому из них. «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», заключая в себе многократные повторения одних и тех же мотивов и выражений, достигает главных коммуникативных, связанных с идеологией целей – прославление воинского подвига погибших и оставшихся в живых соотечественников и уничтожение страшного врага. Эта поэтическая антология обозначает, пожалуй, ту «точку невозврата», с которой началась переориентация русской культуры с франкофилии на «германофильство».

Литература

1. *Троицкий Н.А.* Современная историография Отечественной войны 1812 г. // Проблемы изучения истории отечественной войны 1812 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/history_rus/1812 (дата обращения: 27.01.2012).
2. *Янушкевич А.С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 г. и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып. 9.
3. *Лобачкова М.Г.* Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007.
4. *Сидоров Н.П.* Отечественная война в русской лирике // Отечественная война и Русское общество. М., 1911. Т. 5. С. 159–171.
5. *Каллаш В.В.* Отечественная война в русской народной поэзии // Отечественная война и Русское общество. М., 1911. Т. 5. С. 172–182.
6. *Грунский А.К.* Наполеон в русской художественной литературе // Русский филологический вестник. 1898. Т. 40. С. 100–120.
7. *Sorokin D.* Napoléon dans la littérature russe. Paris, 1974. P. 145–173.
8. *Эткинд Е.Г.* «Сей ратник, вольностью венчанный» // Revue des tudes slaves. Paris, 1971. P. 40.
9. *Каменев Е.В.* Категории мировоззрения русского офицерства эпохи наполеоновских войн: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007.
10. *Вольперт Л.И.* Пушкинская Франция. СПб., 2007.
11. *Гуминский В.М.* Гоголь, Александр I и Наполеон // Наш современник. 2002. №3. С. 216–232.
12. *Парсамов В.С.* Наполеоновский «миф» и декабристы // Проблемы изучения истории отечественной войны 1812 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/history_rus/1812 (дата обращения: 27.01.2012).
13. *Мельникова Л.В.* Антинаполеоновская церковная проповедь в 1812 году // Проблемы изучения истории отечественной войны 1812 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/history_rus/1812 (дата обращения: 27.01.2012).
14. *Амбарцумов В.А.* Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX в.: магистерская диссертация. СПб., 2009 // Библиотека интернет-проекта «1812 год». Код доступа: <http://www.museum.ru/1812/index.html> (дата обращения: 27.01.2012).
15. *Дрейлинг И.Р.* Воспоминания участника войны 1812 года // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии / сост. Ф.А. Петров и др. М., 1991.
16. *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера; Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия / авт. вступ. ст. и коммент. Н.М. Жаркевич. Киев, 1991.
17. *Мемуары декабристов.* Южное общество / под ред. И.В. Пороха, В.А. Федорова. М., 1982.
18. *Вот каковы Бонапарте и народ французский.* СПб., 1807.